

И. Андзелинъ.

О балтійскомъ окончаніи

2 лица единственнаго числа.

(Посвящается памяти Ф. Θ. Фортунатова).

ПЕТРОГРАДЪ.

ТИПОГРАФІЯ АКАДЕМІИ НАУКЪ (ВАС. ОСТР., 9 ЛИСТ., 12).

1917.

Напечатано по распоряженію Академіи Наукъ. Май 1917 г.

Непремѣнный Секретарь академикъ *С. Ольденбургъ*.

Отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности
Академіи Наукъ, т. XXII (1917 г.), кн. 1-я.

О балтійскомъ окончаніи 2 лица единств. числа.

(Посвящается памяти Ф. Ф. Фортунатова).

Общебалтійскимъ окончаніемъ 2 л. ед. ч. нетематическихъ основъ можно считать *-séi*, откуда лит. и лтш. *-sĭe > -sĭ*. Въ древнепрусскомъ на *-sei* указываютъ формы *assei* (4 ×) или *essei* (1 ×), 2 л. ед. ч. наст. вр. къ *boūt* «быть», *ēisei* (1 ×), передача нѣм. *gehest* «идешь», *waisei* (1 ×) «знаешь», *seggēsei* (1 ×) «дѣлаешь». Встрѣчаются тамъ, правда, также однозначасія формы на *-sai*: *assai* (7 ×) и *etskĭsai* (1 ×), передача нѣм. *fehrest* въ значеніи «встаешь»; не исключена, впрочемъ, возможность считать съ Беценбергеромъ KZ XLI 123 *etskĭsai* за форму 2 л. ед. ч. будущаго времени. Но изъ этихъ формъ на *-sai* не слѣдуетъ, что *-sei* представляетъ собою фонетическое видоизмѣненіе болѣе древняго *-sai*, такъ какъ прабалт. *-ai* въ древнепрусскомъ въ остальныхъ случаяхъ сохраняется и, наприм., вмѣсто столь частаго *-mai* въ окончаніяхъ 1 л. ед. и множ. ч. никогда не находимъ *-mei*, см. мои Славяно-балт. этюды 141 сл. и 187 сл., Brugmann IF XVII 185, Solmsen KZ XLIV 170 слл. и van Wijk AfsI Ph. XXXVI 112 сл. Окончаніе *-sai* Brugmann l. c. и Solmsen l. c. 173 сопоставляютъ съ греческимъ *-σαι* въ окончаніи 2 л. ед. ч. средняго залога и полагаютъ, что *-sei* возникло путемъ смѣшенія окончаній *-ei* (въ формахъ 2 л. ед. ч. дѣйств. залога тематическихъ основъ) и *-sai*. Но соответствующія литовскія и латышскія формы указываютъ на *-sei* (а не *-sai*), и то-же самое слѣдуетъ сказать о церковнославянскихъ формахъ типа вѣси (при вѣдѣ!) и носиши; а поэтому естественнѣе думать, что пр. *-sai* возникло рядомъ

съ болѣе древнимъ -sei подѣ влияніемъ -mai въ окончаніи 1 л. ед. ч., см. Lietuvių Tauta II 290 и van Wijk I. с. 113, подобно тому, какъ въ литовскомъ подѣ влияніемъ -sei (откуда -sie > -si) старое -mai въ окончаніи 1 л. ед. ч. измѣнилось въ -mei, откуда -mie > -mi. Обѣ отношеніи же балт. и слав. -sei къ арійск. и греч. -si будетъ рѣчь ниже. Къ тому же -sei восходитъ, вѣроятно, также пр. -se въ asse (2 ×) или aesse (1 ×), waisse (1 ×), dāse (1 ×) «даешь», druwēse (2 ×) «вѣришь», подобно тому, какъ, напр., рядомъ съ древнимъ tebbei «тебѣ» находимъ также tebbe (4 ×); возможность такого взгляда доказывается подобнымъ тому колебаніемъ произношенія (иногда въ устахъ однихъ и тѣхъ же лицъ) между -ei (отчасти изъ -ai) и -ē или -e въ дат. и мѣстн. п. ед. ч. въ нѣкоторыхъ латышскихъ говорахъ западной Курляндіи: такъ, напр., въ Ворменѣ мною записаны во время разговора съ однимъ и тѣмъ же лицомъ формы мѣстн. п. ед. ч. вродѣ aūgše «наверху», kaīniē «на холмѣ», mežē «въ лѣсу», Rīgē «въ Ригѣ», pļavei «на лугу», tiklei (съ tī- изъ tī-) «въ сѣти» и др., гдѣ -e и -ē изъ -ei, и -ei изъ -ai, причемъ часто—особенно при скороговоркѣ—трудно было слышать, произносилось ли -ei, или же -ē. Поржезинскій, правда, полагаетъ (къ исторіи формъ спряженія въ балт. языкахъ, стр. 20), что написаніе -e (въ asse и др.) передаетъ здѣсь, «какъ и въ другихъ случаяхъ», прусское открытое i. Но конечное -i, поскольку оно не утрачено, обыкновенно передается черезъ -i (ср. нерѣдкія прилагательныя и нарѣчія на -i у Trautmann'a Die altpreuss. Sprachdenkm. 246 и 250, частое 3 л. ед. и множ. ч. turri, весьма частое -gi въ beggi «ибо», kāigi «какъ», neggi «и не, ни», и ni «не»), а черезъ -e лишь въ единичныхъ случаяхъ, такъ въ ture въ turedi (1 ×) «soll man» (при 28 примѣрахъ turri въ значеніи 3 лица), kaige (1 ×) при 50 примѣрахъ kāigi или kaigi (едва-ли -ge въ kaige = слав. же и греч. γε). Значить, если бы въ древнепрусскомъ языкѣ XVI столѣтія встрѣчались формы 2 л. ед. ч. нетематическаго спряженія на -si, то это -si, вѣроятно, обыкновенно передавалось бы черезъ -si, и лишь въ видѣ исключенія черезъ -se; а между тѣмъ выше мною приведено 7 примѣровъ съ -se, тогда какъ -si встрѣчаемъ только въ произведенномъ отъ тематической основы giwassi (2 ×) или giwasi (1 ×) «живешь», да еще въ quoitilaisi (5 ×) «wollest».

И ужъ совершенно невозможно (и притомъ излишне) дальнѣйшее предположеніе Поржезинскаго I. с., будто также написаніемъ -sei передавалось то-же самое -si: передача краткаго i черезъ ei сама по себѣ совершенно невѣроятна и не подтверждается другими примѣрами (о двукратномъ wagein «власть»—при warrin и warrien—см. Trautmann I. с. 232).—Что же касается -si въ giwassi (и quoitilaisi), то Trautmann I. с. 273 возводитъ его къ -sai, van Wijk же I. с. 413—къ -sei. Считаю и то, и другое невѣроятнымъ, такъ какъ собственное латышскому языку измѣненіе -ai и -ei въ -i древнепрусскому было чуждо, и не могу представить себѣ, чтобы дифтонгъ -ei звучалъ такъ, что можно было передавать его также черезъ -i (въ вышеупомянутомъ латышскомъ Ворменскомъ говорѣ я вмѣсто -ei слышалъ и -ē, и -e, но никогда ничего похожаго на -i). О другихъ же случаяхъ, гдѣ Trautmann пр. -i возводитъ къ -ei или -ai, см. мои Славяно-балт. этюды 141¹, 182 сл. и 187. Если -si въ пр. giwassi и quoitilaisi не = греч. и арійск. -si въ окончаніи 2 л. ед. ч. дѣйств. залога, то оно, на мой взглядъ, могло возникнуть рядомъ съ -sei (или -sai) подъ вліяніемъ колебанія между -tei (или -tai) и -ti въ окончаніи 2 л. множ. ч., подобно тому, какъ и -tei въ окончаніи 2 л. множ. ч., вѣроятно, получило свое -ei подъ вліяніемъ -sei въ окончаніи 2 л. ед. ч. (а возникновеніе -tai могли вызвать и -sai въ окончаніи 2 л. ед. ч. и -mai въ окончаніи 1 л. множ. ч.). Что же касается -ti, то старое -ī въ окончаніи 2 л. множ. ч. было бы совершенно непонятно, и -i краткое, кромѣ того, тутъ по всей вѣроятности было бы утрачено, какъ показываютъ формы инфинитива на -t и формы 3 л. ед. ч. вродѣ ast «есть», eīt «идеть» и dāst «даетъ». Считаю поэтому почти несомнѣннымъ объясненіе, данное Бернекеромъ Die preuss. Sprache 219: -ti изъ -tē (ср. напр. пр. mūti «мать»=лит. mótė), ср. лит. -tēs и лтш. dial. -tēs въ окончаніи 2 л. множ. ч. возвр. залога. Что -ti тутъ древнѣе, чѣмъ -tei и -tai, въ пользу этого говорить, пожалуй, и то, что по подсчету Бернекера I. с. (Trautmann въ своей грамматикѣ, къ сожалѣнію, не даетъ никакихъ свѣдѣній объ употребительности отдѣльныхъ окончаній) -ti встрѣчается 50 разъ, тогда какъ и -tei и -tai—только по 7 разъ. Но стоило лишь Поржезинскому I. с. 54 заявить, что онъ «не могъ бы . . . понять про-

исхождения» этого *-*tē* въ древнепрусскомъ (такъ какъ де въ литовскомъ языкѣ *-tēs* появилось только по аналогіи *-mēs* въ окончаніи 1 л. множ. ч.), какъ тотчасъ же Бернекеръ *AfslPh. XXV 485* отказался отъ своего объясненія, назвавъ его «*unüberlegt*» и примкнувъ къ Поржезинскому. Я же считаю за «*unüberlegt*» скорѣе этотъ поспѣшный отказъ отъ прежняго взгляда, такъ какъ я съ своей стороны не могу понять затрудненій Поржезинскаго. Допустимъ, что литовско-латышское *-tēs* возникло только по аналогіи *-mēs*, тогда какъ дошедшіе до насъ древнепрусскіе тексты знаютъ только *-mai* въ окончаніи 1 л. множ. ч. Но, вѣдь, и Поржезинскій самъ I. с. 53 и другіе языковѣды считаютъ это пр. *-ai* въ *-mai* перенятымъ изъ окончанія 1 л. единств. ч., а разъ это такъ, то ничто намъ не мѣшаетъ думать, что до появленія новообразования *-mai* также въ древнепрусскомъ имѣлось *-*mē* въ окончаніи 1 л. множ. ч., подъ вліяніемъ котораго старое *-*te* могло измѣниться въ *-*tē*, откуда *-ti*. Единичное же *-te*¹⁾ въ *edeitte* (1 ×) «ѣшьте», *rikauite* (1 ×) «господетвуйте» и *nidraudieite* (1 ×) «wehret nicht» (съ *-e* у Trautmann'a I. с. 69,31, тогда какъ въ изданіи Бернекера 75 читаемъ *nidraudieiti*; подлинникъ мнѣ недоступенъ) скорѣе всего фонетическій вариантъ окончанія *-tei*, ср. выше *-se* при *-sei* въ окончаніи 2 л. единств. ч.

Изъ латышскаго языка сюда относится прежде всего *esi* (2 л. ед. ч. наст. врем. къ *būt* «быть»). И формами 2 л. ед. ч. настоящаго, а не будущаго времени, кажется, слѣдуетъ считать также *ese* (т. е. *iesi*) въ катихизисѣ 1586 г. (*Lit. und lett. Drucke II 20,33*), передающее, подобно лит. *eisi* (*Lit. und lett. Drucke III 20,8*) и пр. *ēisei* (у Trautmann'a I. с. 51,29), форму *gehest*²⁾ «идешь» нѣмецкаго подлинника (помѣщеннаго у Trautmann'a I. с. 50,24), и *dhos* (т. е. *duos*) *Lit. und lett. Drucke II 21,18* (въ этомъ же катихизисѣ встрѣчаются также формы вродѣ *grib* вмѣсто *gribi* «хочешь», такъ что и это *dhos* можетъ представлять собою общелатышское **duosi*), передающее, подобно лит. *duosi*

1) Въ грамматикѣ Бернекера *-te* совсѣмъ опущено.

2) Въ параллельномъ съ этимъ оборотѣ н. *fehrest* «встаешь» передается по-латышски несомнѣнной формой наст. врем. *czeles* (= *celiēs*) *Lit. und lett. Drucke II 20,15*.

Lit. und lett. Drucke III 20,26 и пр. *dāse* (у Trautmann'a l. c. 53,14), форму *gibst* «даешь» нѣмецкаго подлинника (у Trautmann'a l. c. 52,13). Такъ какъ старое -ī въ латышскомъ языкѣ утрачено, то лтш. *esi* не можетъ считаться тождественнымъ съ греч. *ἔσσι* (у Гомера) или скр. *ási*. Лтш. -*si* само по себѣ могло бы получиться изъ -*s* (изъ индоевр. -*si*) подѣ влияніемъ окончанія -*i* (изъ -*ie*) въ формахъ 2 л. ед. ч. наст. врем. тематическаго спряженія. Но въ виду пр. -*sei*, лит. -*sie*- и црксл. -*си* вѣроятнѣе думать, что также лтш. -*si* восходитъ черезъ -*sie* къ болѣе древнему -*sei*.

Въ литовскомъ же встрѣчаются формы 2 л. ед. ч. вродѣ *essie-gu* и *desie-s* (у Беценбергера Beitr. z. Gesch. d. lit. Sprache 198), показывающія, что также литовскія формы типа *esi* по всей вѣроятности получили свое -*si* изъ -*sie* (= лтш. -*si*, пр. -*sei* и црксл. -*си*), въ пользу чего говоритъ также окончное удареніе въ *esi* (при скр. *ási*!). Противоположное же этому мнѣніе Поржезинскаго l. c. 24, будто лит. -*si* тутъ, хотя бы и частію, не можетъ восходить къ -*sie* (но только къ праиндоевр. -*si*), никакими серьезными доводами не поддерживается: если считать балт. -*sei* окончаніемъ средняго залога, то въ пользу акута въ -*sei*—помимо *esi*—говоритъ также удареніе въ греч. *φέρσαι, ἴσαι* и др.; если же въ -*sei* -*ei* получено изъ тематическихъ основъ, то акутированность этого -*sei* не подлежитъ даже сомнѣнію.

Тематическія же основы въ 2 л. ед. ч. оканчиваются въ литовскомъ языкѣ на -*i* изъ -*ie*, ср. напр. *sukì* «вертишь» при *sukies* «вертишься». Въ части или даже въ большинствѣ говоромъ это же самое окончаніе находимъ также въ 2 л. ед. ч. основъ на -*i*, ср. напр. *myli* «любишь» или *sùksi* «будешь вертѣть» при возвратныхъ формахъ *mylies* и *sùksies*. А въ сѣверозападныхъ говорахъ жемайтскаго нарѣчія, по указанію Явниса (Гуковскій, Описаніе Россіенскаго уѣзда, стр. 43 сл.), возвратныя формы 2 л. ед. ч. оканчиваются на -*ys* (тогда какъ верхнелитовскому *ie* въ сѣверозападныхъ говорахъ жемайтскаго нарѣчія обыкновенно соотвѣтствуетъ дифтонгъ *ëi*); и Явнисъ, кажется, правъ, утверждая l. c., что первоначально возвратныя формы 2 л. ед. ч. тематическихъ основъ оканчивались на -*ies(i)*, соотвѣтствующія же формы основъ на -*i* — на -*ys(i)*, послѣ чего въ верхнелитовскомъ было обобщено -*ies(i)*, а въ сѣ-

верозападныхъ жемайтскихъ говорахъ -ys(i) (-ys же въ юговосточныхъ жемайтскихъ говорахъ, гдѣ вмѣсто ie находимъ y, двумысленно) благодаря тому, что въ формахъ не возвратныхъ -ie и -y совпали въ -i.

Изрѣдка находимъ въ литовскихъ говорахъ и старыхъ текстахъ такія же формы на -i изъ -ie въ значеніи 2 л. ед. ч. повелит. наклоненія: ne vedi! «не веди» Forma chrikstima 1559 г. (Lit. und lett. Drucke II 36,6), giałbiem! «помоги мнѣ» и gaylies! «сжался» у Бенценбергера l. c. 222, keliesi! «встань» (Niemi ir Sabaliauskas, Lietuvių dainos ir giesmės, № 338 и Ozkabalių dainos II 51). Но несравненно чаще въ тѣхъ же источникахъ встрѣчаемъ вмѣсто формъ на -i формы безъ этого -i, причемъ конечный согласный, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ говорахъ является въ смягченномъ видѣ: geļb! Постилла Даукши 109,3 или gelb! ibid. 109,33 «помоги», atlēid! «отпусти» ibid. 153,8, kēr! «пеки» Лит. хрест. 379,12 (изъ Тверческаго говора), sēs! «сядь» ibid. 379,16 и 380,1, atkīmš! «откушорь» ibid. 380,27, rajim! «возьми» ibid. 385,36 и 386,33 (изъ Колтышянского говора), nēs! «неси» ibid. 389,21 (изъ Ганушишскаго говора); другіе примѣры см. у Шлейхера Lit. Gramm. 230, у Бенценбергера l. c. 222, у Вольтера Лит. катих. Даукши, стр. LXXXV и Mitteil. d. lit. litter. Ges. IV 177 и у Поржезинскаго l. c. 28. Объ отношеніи этихъ формъ безъ -i къ формамъ на -i будетъ рѣчь ниже.

Что же касается латышскаго языка, то возвратная форма 2 л. ед. ч. изъявит. наклоненія наст. врем. основъ на -o оканчивается, какъ и въ литовскомъ, на -ies, напр., celiēs (=лит. keliēs) «встаешь». И Adolphi въ своей грамматикѣ 1685 г. знаетъ для соответствующихъ не возвратныхъ формъ только окончаніе -i, напр., celi (=лит. keli) «поднимаешь»; показанія Adolphi повторяются затѣмъ въ грамматикахъ Stender'a, Hesselberg'a и Bielenstein'a (ср. его Lettische Sprache II 121 сл.), вѣроятно, подъ влияніемъ Adolphi. А между тѣмъ уже въ вышедшей въ 1653 г. ностиллѣ Манцелія встрѣчаемъ формы безъ -i, напр., duod «даешь», atplet «раскрываешь», slep «скрываешь», atjem «отнимаешь», islaid «выпускаешь» l. c. I 225, spē «можешь» (къ spēju «могу») l 157 и др. Въ современныхъ же говорахъ формы на -i употребительны только отъ глаголовъ классовъ (по Биленштейну) XII (напр., teci къ teku «бѣгу», прош. вр. tecēju, инф. tecēt; или tici «вѣришь» къ ticu, ticēju, ticēt)

и V (основъ на -sto, напр., svīsti «потѣешь» къ svīstu, svīdu, svīst) и отъ тѣхъ глаголовъ III класса (основъ на -o съ носовымъ инфиксомъ), корень которыхъ оканчивается на -d (напр., zūdi «исчезаешь» къ zūdu, zūdu, zūst), -t (напр., prūoti «понимаешь» къ prūotu, prātu, prast), -b и -p (напр., klūpi «спотыкаешься» къ klūpu, klupu, klupt). Что же касается остальныхъ глаголовъ III класса и глаголовъ I, II, IV, VI, VII, VIII и IX классовъ, то мною отмѣчены съ -i только pļāune (съ -e изъ -i) «косишь» (къ pļāīnu, pļāvu, pļāūt) въ восточно-латышскомъ Бальтиновѣ (рядомъ съ dūt «даешь» изъ duōd) и vēde (съ -e изъ -i) «ведешь» (съ ę вм. e подъ влияніемъ формъ 1 л. ед. и мн. ч. и 3 л.) къ vēdu, vedu, vest въ восточно-латышскомъ Мариенгаузенѣ. Изъ остальныхъ же говоровъ мнѣ отъ глаголовъ указанныхъ классовъ извѣстны только формы безъ -i, напр., tu sit «ты бьешь» (къ situ, situ, sist «бить»), ved (къ vēdu, vedu, vest «вести»), pin (къ pinu, pinu, pīt «плести»), vēlc (къ vēlku, vilku, vilkt «влечь»), dzen (къ dzenu, dzīnu, dzīt «гнать»), liec (къ lieku, liku, likt «класть»), zūodz (къ zūogu, zagu, zagt «красть»), pļāīj или pļāūn (къ pļāūju или pļāūnu, pļāvu, pļāūt «косить»), glāb (къ glābju, glābu, glābt «спасать»), ciet (къ cīesu, cietu, cīest «терпѣть»), mal (къ maļu, malu, malt «молоть»), dur (къ duļu, dūru, duīt «колоть»), brāuc (къ brāucu, brāucu, brāukt «ѣхать»), lej (къ leju, lēju, liēt «лить»), cel (къ ceļu, cēlu, ceīt «поднимать»), lamā или діал. lamaļ (къ lamāju, lamāju, lamāt «ругать»), klepuo (къ klepuoju, klepuoju, klepuōt «кашлять»), tīrī (къ tīrīju, tīrīju, tīrīt «чистить»), slavē или діал. slaveļ (къ slavēju, slavēju, slavēt «хвалить»). Въ глаголахъ же XI класса лтш. -i фонетически получилось изъ -ai; напр., saki (=лит. sakaĩ) «говоришь» къ saku, sacīju, sacīt (въ текстахъ XVII вѣка и въ части Лифляндскихъ говоровъ соотвѣтствующая возвратная форма еще оканчивается на старое -ais, напр., skatais «смотришь» въ Вольмарѣ и др., см. Rakstu krājums XIII 16; въ остальныхъ говорахъ старое соотношение -i < -ai : -ais подъ влияніемъ соотношенія -i < -ie : -ies въ основахъ на -o замѣнено соотношеніемъ -i : -ies¹), напр., skatiēs вмѣсто skatais). Къ нимъ примы-

1) Изрѣдка и наоборотъ: у Манцеля въ его постиллѣ prūotais I 83 при prūoti (=лит. pranti) подъ влияніемъ sakais I 43 при saki (=лит. sakaĩ) и др.

кають zini (=лит. žinaī) «знаешь» къ zinu, zināju, zināt, raūdi «плачешь» къ raūdu, raūdāju, raūdāt, dziēdi «поешь» къ dziēdu, dziēdāju, dziēdāt и глаголы X класса, напр., aicinī, «приглашаешь» къ aicinū, aicināju, aicināt.

Въ связи съ вышеупомянутыми сѣверозападно-жемайтскими возвратными формами на -ys, вѣроятно, находятся старолатышскія формы на -ī передъ вопросительной частицей -g (=лит. -gu или -ga): esīg (такъ, повидному, слѣдуетъ читать essieg подлинника, гдѣ написаніемъ ie согласно нѣмецкой графикѣ передается ī, тогда какъ дифтонгъ ie тамъ обозначается черезъ ee) «esne» (лат.) у Манцелия Post. I 42, dzirdīg «слышишь ли» ibid. I 224, varīg «можешь ли» Phraseologia lettica, cap. III, pruoītīg «умѣешь ли» ibid. Встрѣчаемъ, правда, такое ī вмѣсто ожидаемаго i также въ būsīg «будеть ли» Phraseol. lettica, cap. XII, vēlīg «еще ли» Post. I 277, arīg «ли» ibid. II 71; но гдѣ-нибудь это -ī передъ -g должно было быть исконнымъ, а скорѣе всего именно въ формахъ 2 л. ед. ч. отъ основъ на -i, какъ въ dzirdīg и varīg; что же касается до esīg, то діалектически находимъ 1 л. ед. ч. ešu: 2 л. ед. ч. esi: 1 л. мн. ч. esim=1 л. ед. ч. dziržu «слышу»: 2 л. ед. ч. dzirdi: 1 л. мн. ч. dzirdim, а pruoītīg могло появиться при prūoti (изъ *pruoitie) подъ влияніемъ, напр., dzirdīg при dzirdi (изъ *dzirdī).

Вышеупомянутыя латышскія формы 2 л. ед. ч. изъявит. наклоненія употребляются также въ значеніи повелительнаго наклоненія (подобно вышеупомянутымъ литовскимъ формамъ на -i или безъ -i), причемъ формы безъ -i, повидному, въ повелит. наклоненіи немножко чаще, чѣмъ въ изъявит. наклоненіи. Такъ, въ грамматикѣ Adolphi на стр. 131 находимъ duod «дай» при duodī «даешь» (теперь и изъявит. наклоненіе обыкновенно безъ -i и кое-гдѣ даже безъ -d; только изъ восточно-латышской Каунаты мнѣ извѣстно dūdī изъ duodi). А Stender (Lett. Grammatik² 65) говоритъ уже въ болѣе общей формѣ, что въ повелит. наклоненіи «часто -i опускается»; такъ же выражается и Биленштейнъ Lett. Sprache II 160, тогда какъ Hesselberg Lett. Sprachlehre § 92 говоритъ даже безъ всякой оговорки, что -i въ повелит. наклоненіи «опускается также у односложныхъ глаголовъ». Слѣдуетъ при этомъ отмѣтить, что приведенныя Биленштейномъ l. c. формы pruoit «понимай»,

reîd «плавай», tîc «вѣрь», dus «отдыхай» въ говорахъ, сохраняющихъ пралатышскіе конечные гласные, насколько мнѣ извѣстно, вовсе не встрѣчаются, но только въ тѣхъ говорахъ, гдѣ вообще утрачены гласные пралатышскихъ конечныхъ слоговъ. — Я самъ въ восточно-латышскомъ Маріенгаузенѣ слышалъ vet (изъ ved) «веди!» при vede (изъ vedi) «ведешь». — Въ тѣхъ говорахъ Витебской губерніи, гдѣ согласные смягчены передъ гласными передняго ряда, въ формахъ безъ -i конечный согласный является смягченнымъ, напр. dût (изъ dûd) «дай!» въ Дагдѣ или védъ «веди!» въ Іозефовѣ; то же самое слѣдуетъ сказать о соответствующихъ формахъ изъявительнаго наклоненія.

Въ древнепрусскомъ литовско-латышскому -ie > -i соответствовало бы -ei > -e, и Бернекеръ Die preuss. Spr. 220 f., Поржезинскій l. с. 17 сл., Brugmann IF XVII, 179 и Solmsen KZ XLIV, 173 сл., расходясь между собою только въ частности, сопоставляютъ съ литовскими формами типа vedì «ведешь» и turì «имѣешь» прусскія формы sātūnei (1 ×) «sättigst», turei (6 ×) «sollst», etwēre (1 ×) «tust auf», rikawie (1 ×) «regierst» и tūlninai (1 ×) «mehrst» (если tūlninai и по происхожденію форма 2 л. ед. ч., то -ai могло появиться взамѣнъ -ei подъ вліяніемъ колебанія, напр., между assei и assai; или, если тутъ имѣемъ дѣло съ основою на -ā, то, какъ полагаетъ Solmsen l. с., его -ai могла получиться путемъ слиянія изъ -ā-ei). При этомъ, если также встрѣчающееся рядомъ съ turei въ значеніи 2 л. ед. ч. turri (14 ×) и по происхожденію 2 л. ед. ч., было бы заманчиво читать turri какъ turī и возводить къ этому turī также turei, сопоставляя съ пр. -ī > -ei сѣверозападно-жем.-us и старолтш. -ī-g; но въ значеніи 2 л. ед. ч. встрѣчаемъ въ I и II катих. также tur (20 ×), а долгое -ī едва ли отпало бы, и съ другой стороны, встрѣчаемъ также въ значеніи 3 л. то же самое turei (10 ×). Кромѣ того, не лишена нѣкотораго основанія догадка Беценбергера KZ XLI 92, что въ рукописи вмѣсто turei вездѣ имѣлось turri, которое наборщикомъ иногда неправильно читалось какъ turei (разъ встрѣчающееся turrei Беценбергеръ считаетъ неудачной корректурой написанія turei): въ остальныхъ (многочисленныхъ) формахъ этого глагола, гдѣ за tur- еще слѣдуетъ гласный, почти всегда вмѣсто tur- пишется tur-

(также передъ ударяемой долготой, напр., инфин. *turrītwēi* и 3 л. желат. наклон. *turrīlai*), тогда какъ при 16 *turēi* имѣемъ только одно *turrei*. Во всякомъ случаѣ, формы 2 л. ед. ч. *turri* и *turēi*, насколько можемъ судить по правописанію, ничѣмъ не отличаются отъ формъ 3 л. *turri* и *turēi*, и также употребляющееся въ значеніи 2 л. ед. ч. *tur* по своему происхожденію едва ли можетъ не считаться за форму *третьяго* лица. На другіе несомнѣнные случаи употребленія формы 3 л. въ значеніи 2 (и 1) л. ед. ч. уже указалъ Беценбергеръ I. с. 84; значить, также *turri* или *turēi* «*sollst*» по своему происхожденію можетъ (не говорю: должно) считаться формой 3 л. А что касается вышеупомянутыхъ формъ 2 л. ед. ч. *sātuinei*, *etwēre*, *rikawie* и *tūlninai*, то имъ подобныя формы находимъ также въ значеніи 3 л., напр., *rowaidinnei* «*bedeutet*», *gēide* «*warten*», *rickawie* «*regiert*», *klumstinai* «*klopft an*», и поэтому не вижу возможности опровергнуть Беценбергера (къ нему примкнулъ и Trautmann въ своей древнепрусской грамматикѣ), считающаго I. с. 86, 92 сл. и 98 также *sātuinei*, *etwēre*, *rikawie* и *tūlninai* по происхожденію за формы 3 л. Это, однако, не значить, что формы вродѣ *sātuinei* или *etwēre* ни въ коемъ случаѣ не *могутъ* быть по происхожденію формами 2 л. ед. ч.: имѣемъ тутъ дѣло съ двумя одинаково возможными гипотезами, выборъ между которыми невозможенъ вслѣдствіе нашего недостаточнаго знакомства съ древнепрусскимъ языкомъ. Вышеупомянутое *giwassi* (или *giwasi*), во всякомъ случаѣ, не мѣшаетъ считать *etwēre* и др. формами 2 л. ед. ч.: если *giwassi* старая форма, то все-таки рядомъ съ формами на *-asi* могли — хотя бы въ видѣ новообразованій — существовать также формы на *-ei*; но не исключена также возможность, какъ замѣтилъ уже Беценбергеръ I. с. 85 (см. также Brugmann IF XVII 184), что *giwassi* новообразование, возникшее на основаніи 3 л. *giwa* (подобно формамъ *druwēse* «*вѣришь*» и *seggēsei* «*дѣлаешь*», см. Bezenberger I. с. 91), причемъ, однако, насъ нѣсколько затрудняетъ появленіе тутъ окончанія *-si* вмѣсто *-sei* > *-se*.

Съ большей (но не полной) увѣренностью можно было бы — вслѣдъ за Беценбергеромъ I. с. 123 и Поржезинскимъ I. с. 20 — считать тождественнымъ съ лит. и лтш. *-i* (изъ *-ie*) пр. *-ei* въ *postāsei* «*wirst*»,

такъ какъ это по всей вѣроятности форма будущаго (а не настоящаго) времени. Однако, и тутъ слѣдуетъ считаться также съ другими возможностями. Во-первыхъ, можетъ быть, *postāsei* = **postās-sei* (ср. также Berneker AfsI Ph. XXV, 481), т. е., на основаніи 3 л. **postās* могло возникнуть новое 2 л. ед. ч. *postās(s)ei*, какъ, напр., *seggēsei* «дѣлаешь», при *seggē* «дѣлаеть», ср. также 1 л. множ. ч. *wirstmai*, возникшее на основаніи 3 л. *wirst*. А, во-вторыхъ, въ виду формъ 3 л. наст. времени на *-ei* слѣдуетъ считаться съ возможностью, что то же *postāsei* являлось также формой *третьяго* л. будущ. времени; а если это дѣйствительно такъ было, то, быть можетъ, также *postāsei* по происхожденію форма *третьяго* л. будущ. времени.—Итакъ, прихожу къ заключенію, что навѣрно не знаемъ, имѣлись ли въ древнепрусскомъ языкѣ формы 2 л. ед. ч. на *-ei*, тождественныя по происхожденію съ литовско-латышскими формами (тематическаго спряженія) того же лица на *-i* (изъ *-ie*), или нѣтъ.

Установивъ данныя всѣхъ балтійскихъ языковъ по разсматриваемому здѣсь вопросу, теперь уже перейду къ толкованію этихъ данныхъ, начиная при этомъ съ литовско-латышскихъ формъ (тематическаго спряженія) безъ *-i*. Fortunatovъ (Сборн. отд. русск. яз. и словес. Имп. Акад. Наукъ, т. LXIV, № 11, стр. 144 сл.), а за нимъ также Поржезинскій (I. с. 30 сл. и Сборн. статей, посвящ. . . Ф. Ф. Fortunatovu, стр. 628 сл.) и Бернекеръ AfsI Ph. XXV, 482 полагаютъ, что, напр., лит. и лтш. *ved* «веди!» восходитъ къ **veda*—новообразованію взамиъ стараго **vede*. Подобно этому Явнисъ (у Буги, *Aistiški Studijai* I, 70) возводитъ лтш. діал. *rūš* «дуй!» къ **rūtja*, но по его—невозможному—мнѣнію это **rūtja* получило чисто фонетически изъ **rūtje* (старое **rūtje* непосредственно измѣнилось бы въ латышскомъ въ *rūt*). Fortunatovъ, къ сожалѣнію, не пояснилъ, почему онъ между **vede* и *ved* предполагаетъ промежуточную форму **veda*, и также Поржезинскій не высказывается объ этомъ. Бернекеръ же (см. IF XVII, 178) возводилъ *ved* къ **veda*, полагая, что *-e* въ общемъ дольше сохраняется (такъ въ формахъ зват. п. ед. ч. основъ на *-o*¹) и въ окончаніи 2 л.

1) Universitas ling. Litv. даетъ также формы зват. п. вродѣ *Jōn* рядомъ съ *Jōne*.

множ. ч.), чѣмъ -а. Но это едва-ли можетъ быть доказано. Лит. -te въ окончаніи 2 л. множ. ч., вѣроятно, восходитъ къ -tē (ср. возвратное окончаніе -tēs и лтш. діал. eite «идите» у Глюка въ его переводѣ библіи и въ инфлянтскихъ текстахъ), и тѣмъ не менѣе — по крайней мѣрѣ діалектически — гласный въ -te въ разговорномъ языкѣ отпадаетъ не рѣже, чѣмъ -а или -i въ окончаніи 3 л. наст. врем. (см. Kurschat Gramm. §§ 1152 и 1153). И сокращеніе -es въ -s (въ gen. s. и nom. pl. основъ на согласный) проведено даже радикальнѣе, чѣмъ сокращеніе -as въ -s (въ nom. s. основъ на -o). Что-же касается зват. п. ед. ч. основъ на -o, то я не думаю, чтобы его -e было сокращено изъ -ē (о чемъ будетъ рѣчь въ другой статьѣ); ср. также -e въ зват. п. ед. ч. основъ на -ē и -e въ окончаніи им. (и вин.?) п. дв. ч. основъ на согласный IF XXXIII, 124. Но такъ какъ зват. п. въ литовскомъ у остальныхъ основъ сохранилъ свою старую форму, то по всей вѣроятности также -а въ зват. п. основъ на -ā представляетъ собою исконное окончаніе этого падежа, соответствуя славянскому -o. И въ старыхъ текстахъ и говорахъ встрѣчаемъ также формы средняго рода прилагательныхъ на -а (изъ -od) вроде māža «мало», kīeka «сколько», vīsa «все» и др. Конечное -а утрачено теперь безслѣдно развѣ только въ окончаніи дат. и твор. п. двойств. ч., если тамъ -ш восходитъ къ -ma, ср. akīma (1 ×) у Беценбергера Beitr. z. Gesch. d. lit. Spr. 149 (тамъ, однако, приводится также instr. du. sūpimi). Но вѣдь также старое -mus въ dat. pl. теперь повсюду сокращено въ -ms (см. мои Славяно-балт. этюды 152 сл.), тогда какъ въ имен. п. ед. ч. основъ на -и то-же самое и всегда сохраняется; или основы существительныхъ на -o сохраняютъ -iū въ dat. s., тогда какъ мѣстоименія и прилагательныя теперь утратили это -iū. Итакъ, не нахожу, чтобы Бернекеръ въ данномъ вопросѣ былъ правъ; и Беценбергеръ KZ XLI, 104¹ держится даже противоположнаго мнѣнія.

Скорѣе можно бы привести данныя латышскаго языка въ пользу того, что лит.-лат. ved получилось изъ *veda. Какъ извѣстно, въ латышскомъ языкѣ передъ гласными передняго ряда произносятся закрытыя е и ē, а передъ гласными задняго ряда и передъ е и ē — открытыя е и ē, перешедшія затѣмъ въ восточнолатышскомъ нарѣчьи въ а и ā. И вотъ въ описанномъ И. Цирулемъ (Rakstu krājums XV, 51 сл.) Дро-

стенгофскомъ говорѣ (въ средней Лифляндіи) находимъ формы 2 л. ед. ч. повелит. наклоненія (и въ то же время изъявит. накл. наст. времени!) вродѣ *ņes* «неси» или «несешь» или *ved* «веди» или «ведешь»; и подобныя же формы мнѣ извѣстны также изъ Дроббуша и Огерсгофа. И въ восточнолатышскомъ Сауссенѣ, гдѣ *e* измѣнилось въ *a*, имѣются (см. Kauliņ BV XIV, 123) соответствующія Дростенгофскимъ *ņes*, *ved* и др. формы *nas*, *vad* и др.; и тому подобныя формы мнѣ извѣстны также изъ Зессвегена, Гейденфельдта, Берзона и Друвенена. Казалось бы съ перваго взгляда, что это діал. *ved* > *vad* такъ и восходитъ къ **veda*. Но рядомъ съ *ved* и др. находимъ въ Дростенгофѣ и др. формы вродѣ *veġ* «отворяй» или «отворяешь» при формѣ 3 л. *veġ* (въ Дростенгофѣ *ġ* > *g*) = лит. *vėgia*, показывающей, что *veġ* фонетически не могло получиться изъ **veġja*; и подобно этому въ Сауссенѣ рядомъ съ *vad* и др. находимъ формы вродѣ *var* (изъ *veġ*) при формѣ 3 л. *veġ* (изъ *veġ*); и въ Зельзаускомъ говорѣ (см. Kauliņ BV XVI, 337; также въ Эрлаа и др.) имѣются формы вродѣ *bor* (изъ *bar*) «брани» или «бранишь» при формѣ 3 л. *bār* (изъ *baġ*). А если, напр., *veġ* не изъ **veġja*, то едва-ли и *ved* изъ **veda*. Поржезинскій (Къ исторіи формъ спряж., стр. 33), правда, полагаетъ, что, напр., *rūt* «дуй» возникло (взамѣнъ стараго *rūš* изъ **rūġja*) рядомъ съ *rūti* подѣ влияніемъ такихъ отношеній, какъ, напр., *ved* (изъ **veda*): *vedi*. И подобно этому можно было бы утверждать, что, напр., діал. *veġ* возникло (взамѣнъ стараго *veġ* > *veġ* изъ **veġja*) рядомъ съ *veġi* подѣ влияніемъ отношеній вродѣ *ved* (изъ **veda*): *vedi*. А среднелатышскія формы вродѣ *ved* пришлось бы считать новообразованіями, возникшими взамѣнъ стараго *ved* (изъ **veda*) подѣ влияніемъ однозначащаго *vedi*. Далѣе пришлось бы допустить, что формы вродѣ *ved* или *ved* > *vad* первоначально имѣли лишь значеніе повелительнаго наклоненія. Озадачиваетъ насъ и то, что рядомъ съ *ved* или *ved* > *vad* «веди, ведешь» соответствующая возвратная форма является только въ видѣ *vedies* (нигдѣ **vedas* или **vadas*). А главнымъ затрудненіемъ я считаю то, что въ сохраняющихъ конечныя гласныя среднелатышскихъ говорахъ, какъ уже выше указано, формы 2 л. ед. ч. безъ *-i* свойственны только одной части основъ, тогда какъ отъ другихъ основъ употребительны исключительно формы на *-i*. Въ самомъ дѣлѣ,

если когда-то имѣлись формы вроде *veda (или *vede) «веди!», и если современное ved или ved > vad восходитъ къ такому *veda (или *vede), то отчего-же въ среднелатышскомъ нарѣчїи не находимъ также формъ повелит. наклоненія вроде *jūt (изъ *junta или *junte) «чувствуй», *prūot (изъ *pranta или *prante) «умѣй», *svīst «потѣй» и др. (а только jūti, prūoti, svīsti и др.)? Если, такимъ образомъ, гипотеза о возникновенїи, напр., ved изъ *veda сопряжена съ такими затрудненїями, то что-же собственно побуждаетъ предполагать формы вроде *veda «веди»? Явнись I. с. 70 и Поржезинскій I. с. 33 приводятъ (изъ «Die lettische Sprache» Биленштейна, § 450) формы вроде rūš «дуй» < *rūtja. Но такія формы извѣстны намъ только изъ сѣверо-западныхъ говоровъ Лифляндїи и Курляндїи, гдѣ въ изъявительномъ наклоненїи форма 3 л. замѣнила собою всѣ остальные формы лицъ и чиселъ, см. напр. Rakstu krājums XIII 89 с.л. и Bezenberger Lett. Dial.-Studien 136 с.л. А такъ какъ формы повелит. наклоненія совпадали съ формами изъявит. наклоненія наст. времени, то совершенно понятно, что, напр., первоначальная форма 3 л. rūš, получивъ между прочимъ также значенїе 2 л. ед. и множ. ч. изъявит. наклоненія наст. времени, впоследствии стала употребляться также въ значенїи 2 л. какъ ед. ч., такъ и множ. (!) ч. повелит. наклоненія. Рядомъ, однако, тамъ встрѣчаются еще и старыя формы въ повелит. наклоненїи; такъ мною записаны, напр., ģem «бери» въ Аллендорфѣ, pās «прїиди» въ Уббенормѣ, Лемзалѣ, Альшвангенѣ (здѣсь рядомъ съ pāk!), Шлекѣ, Дондангенѣ; въ нѣкоторыхъ говорахъ (въ Стендентѣ, Липстгузенѣ, Вальдегаленѣ, Нурмгузенѣ и др.) впоследствии произошла дифференціація по значенїю, такъ что теперь тамъ находимъ pās «прїиди» рядомъ съ pāk (старой формой 3 л. изъявит. накл. наст. вр.) «прїидите» (форма pāk болѣе походила на старое pākt, встрѣчающееся еще около Гольдингена и сокращенное изъ pākat).

Итакъ, гипотеза о существованїи когда-то формъ вроде *veda «веди» ничѣмъ не поддерживается и сопряжена съ серьезными затрудненїями. Возводя же лтш. ved «веди» къ *vede, мы встрѣчаемся въ общемъ съ тѣми же затрудненїями, за исключенїемъ развѣ необходимости считать діалектическія формы вроде vet > var (< *verje) новообразованиями

относительно ихъ вокализма, если старое *vege (изъ *vege) должно было измѣниться въ veġ, а не veġ. Но, къ сожалѣнію, мы навѣрно не знаемъ, что именно (veġ или же veġ) должно было фонетически получиться изъ *vege, такъ какъ нѣтъ вполне надежнаго и достаточнаго матеріала для рѣшенія этого вопроса. Въ Вольмарѣ и др., правда, встрѣчаемъ форму род. п. ūdens «воды» изъ *undenes, но это ūdens могло возникнуть (взаимнъ ūdens > ūdens) подъ вліяніемъ остальныхъ падежей, гдѣ передъ п повсюду находимъ правильное е (напр., ном. с. ūdens изъ *undenis). А кое-гдѣ (въ Зербенѣ и Дроббушѣ) мною записано ūdens «воды» и въ Лестенѣ (здѣсь рядомъ съ rudens) и Нейенбургѣ (рядомъ съ rudens)—rudens «осени» изъ *rudenes (при ūdena «воды»). Но въ Зербенѣ и Дроббушѣ также въ другихъ случаяхъ находимъ въ конечныхъ закрытыхъ слогахъ e или ē вмѣсто среднелатышскихъ e или ē: gribēs «захочеть» и mēs «мы» въ Зербенѣ, sen «давно», celt «поднимать» (при celties «подниматься») въ Дроббушѣ. Въ Лестенѣ же и Нейенбургѣ въ общемъ находимъ среднелатышское распредѣленіе закрытыхъ e, ē и открытыхъ e, ē, и не вижу возможности удовлетворительно объяснить появленіе rudens вмѣсто rudens подъ вліяніемъ родственныхъ образований: форма gen. pl. *rudenu (ср. восточнолтш. Зельзауское akmanu изъ *akmēnu «каменей» у Кауляня ВВ XVI 337) въ виду значенія этого слова должна была быть менѣе употребительна, чѣмъ gen. s. rudens, и поэтому едва ли могла вызвать появленіе формы gen. s. rudens взаимнъ правильнаго rudens. Наоборотъ, если допустимъ, что изъ *rudenes, *undenes фонетически получилось rudens и *ūdens, то станутъ понятнѣе и Нейенбургскія формы ном. с. ūdens, gen. с. ūdena, loc. с. ūdenī (при ūdenā): первоначально имѣлись рядомъ ном. с. ūdens (такъ еще въ другихъ говорахъ) изъ *undenis и gen. с. *ūdens изъ *undenes, а затѣмъ подъ вліяніемъ gen. с. *ūdens могла возникнуть новая форма ном. с. ūdens, такъ какъ въ другихъ случаяхъ (напр., suns «собака», sirds «сердце» и др.) въ ном. и gen. с. имѣлся одинъ и тотъ же гласный передъ -s; а такъ какъ всѣ остальные формы ном. с. на -s съ e или ē передъ этимъ -s представляли собою основы на -o, то неудивительно, что также ūdens стало склоняться какъ основа на -o (напр., gen. с. ūdena, который едва ли могъ появиться только подъ вліяніемъ стараго

ген. pl. *ūdeņu).—Если, такимъ образомъ, не исключена возможность, что формы вродѣ *vede «веди», *verġe «отвори!» и др. должны были измѣниться въ ved, ver и др., то въ такомъ случаѣ среднелатышскія формы ved, ver и др. могли, пожалуй, возникнуть путемъ контаминаціи старыхъ ved, ver и др. и vedi, veri и др. Но, какъ уже выше указано, не свободна отъ затрудненій также гипотеза о возникновеніи ved или діал. ved изъ *vede. И если бы можно было показать, какимъ путемъ, напр., и лит. ved и лтш. ved и діал. ved > vad могли получиться всѣ изъ одного и того же *vedie > vedi, то, въ виду затрудненій, сопряженныхъ съ гипотезой о возникновеніи, напр., ved «веди» изъ *veda или *vede, было бы правильно отказаться отъ этой гипотезы.

Прежде всего постараюсь показать, что діал. ved > vad «веди» можетъ быть тождественно по происхожденію съ однозначимымъ среднелтш. ved. Среднелатышскимъ (напр., Вольмарскимъ) формамъ ved «веди» и «ведешь», vest «вести», sēt «сѣять», redzēt «видѣть», redzēs «будетъ видѣть», es «я», mēs «мы», pret «противъ», bet «но», vēl «еще», še «здѣсь», zeme «земля», zemē «въ землѣ», zemes «земли», zemēm «землямъ», zemēs «въ земляхъ», vēlē «желаетъ», dēļ «ради», ceļš «дорога», dzer > dzer «пѣть» соответствуютъ въ Дростенгофѣ ved Rakstu krājums XV, 60, vest 60, sēt 61, redzēt 58, redzēs 58, es 57, mēs 57, pret 57, bet 57, vēl 57, še 58, zeme, zemē, zemes, zemēm zemēs, vēlē 58, dēļ 74, ceļš 67, dzer 60, въ Сауссенѣ—vad BB XIV, 123, vast 137, sāt XII, 217, radzāt 217, radzās XIV, 151 (тутъ имѣется slavās изъ slavēs «будетъ хвалить»), as XII, 217, mās 236, prat 235, bat XIV, 116, vāl XII, 217, še 235, zeme 217, zemē (въ Сауссенѣ старое ē измѣнилось въ ē), ср. pu'sē «въ сторонѣ» 238, zemes, ср. reizēs «раза» 235, zemēm, ср. bailēm «страхомъ» XIV, 151, zemēs, ср. pukēs 119, vēlē XII, 218, dēļ 223, ceļš 232, dzer, ср. ker «ловить» XIV 135. Кроме того ср. среднелтш. bez «безъ», te «туть», ne «не», re «смотри»: Дростенгофск. bez Rakstu krājums XV, 57 (въ Сауссенѣ же BB XIV, 116 beš и, вѣроятно, подъ вліяніемъ этого beš также bes вмѣсто ожидаемаго тамъ *bas), te 58, ne, re 58 (соответствующія Сауссенскія формы мнѣ неизвѣстны); и среднелтш. sen «давно», keš «будетъ ловить», cels «будетъ поднимать», lēks

«будеть прыгать», gen. s. ūdens «воды»: Сауссенск. san ВВ XIV, 121 (Дростенгофское произношение этого же слова: sen), Kars 135, cals 137, lāks 139 (и подобно этому в Дростенгофѣ: Keĭs, ceĭs, lēks), ūdens 117 (Дростенгофская форма мнѣ неизвестна). Отсутствуютъ въ среднелатышскомъ нарѣчїи формы, соответствующія Дростенгофскимъ nese «онъ несъ», nesēm «мы несли», nesēt «вы несли» Rakstu krājums XV, 60 и Сауссенскимъ nese, nesēm, nesēt ВВ XIV, 137, metēs «онъ бросился», metēmēs «мы бросились», metētēs «вы бросились» 138. На основанїи этого матеріала можно, кажется, прийти къ заключенію, что въ односложныхъ, оканчивающихся на искони несмягченный согласный звукъ формахъ среднелтш. e или ē фонетически соответствуютъ въ Дростенгофѣ e или ē, а въ Сауссенѣ—a или ā, даже въ томъ случаѣ, если за конечнымъ согласнымъ отпало -i; тогда какъ въ односложныхъ, оканчивающихся на гласный формахъ и во всѣхъ конечныхъ (=неударяемыхъ) слогахъ словъ, состоящихъ по крайней мѣрѣ изъ двухъ слоговъ, среднелатышскимъ e, ē въ Дростенгофѣ соответствуютъ e, ē, и въ Сауссенѣ e, ē (изъ ē). Кажущіяся исключенія могутъ быть объяснимы: Дростенгофск. рѣс Rakstu krājums XV, 57 и Сауссенск. рѣс «послѣ» ВВ XII 234 могутъ имѣть ē > ē подъ вліяніемъ побочной формы рѣс > рѣс; nedz «ни» Rakstu krājums XV, 57, должно быть, книжное слово (въ Вольмарѣ, во всякомъ случаѣ, я этого слова въ разговорномъ языкѣ не слыхалъ); Дростенгофск. rēdzēt, rēdzēs и Сауссенск. radzāt, radzās могли получить свое ē > ā подъ вліяніемъ односложныхъ формъ инфинитива (вродѣ sēt > sāt) и 3 л. буд. времени; Сауссенск. klēts (изъ klēts) «житница» ВВ XII, 217 могло получить свое ē изъ другихъ падежей вродѣ acc. s. klēti, loc. s. klētie, dat. s. klētei и др. 228 (Дростенгофское произношение этого слова: klēts, acc. klēti; говорятъ въ Дростенгофѣ также: vēsts «вѣсть» Rakstu krājums XV, 57 и 101 и teĭts «палатка» ibid. 98, и я знаю, что эти слова представляютъ собою также въ Дростенгофѣ основы на -i); Сауссенск. tev «тебѣ» и sev «себѣ» ВВ XII, 236 могутъ имѣть e подъ вліяніемъ tevi «тебя», sevi «себя» и др.—Подобно этому встрѣчаемъ рядомъ съ ved «веди, ведешь» и др. въ Дроббушѣ vēst «вести» и sen «давно», а въ Орегергофѣ—es «я» и mes «мы», и рядомъ съ vad «веди, ведешь» и др.

въ Зессвегенѣ vast «вести» и as «я», въ Друвененѣ vast «вести», calc «будеть поднимать», as «я» и mas «мы», въ Берзонѣ vast, as, mas, vāi «еще» и въ Гейденфельдтѣ vast, as, mas. А въ другихъ восточно-латышскихъ говорахъ, напр., въ Мариенбургѣ при es «я», mes «мы», bet «но», pret «противъ», sen «давно», vest «вести», vess «будеть вести» и др. (ср. Brencis, Rakstu krājums XVII, 118 сл. и 142 сл.) находимъ также ved «веди, ведешь». Есть, значитъ, нѣкоторое основаніе думать, что нѣтъ надобности отдѣлять діал. ved > vad «веди, ведешь» и др. изъ-за ихъ вокализма отъ среднелатш. ved и возводить ved > vad къ *vede или *veda.—Что же касается діалектическихъ формъ вродѣ теc «теки» въ Пильтенѣ, Зурсѣ, Дондангенѣ и Угаленѣ (въ сѣверо-западной Курляндіи), гдѣ сохранившіеся въ среднелатышскомъ конечные гласные утрачены, то или ихъ е однородно съ Дростенгофскимъ е (ср. es «я» въ Дондангенѣ, mēs «мы» въ Дондангенѣ, Пильтенѣ, Зурсѣ, цюорѣгс «поколотить» въ Пильтенѣ, pārceļs «переправить» въ Зурсѣ, pacēļs «подниметь» въ Угаленѣ, vest «вести» въ Пильтенѣ, Зурсѣ, Дондангенѣ и др.), или же теc возникло путемъ контаминаціи однозначащихъ формъ *tec (изъ teci) и tek (въ этихъ говорахъ также употребляется въ значеніи 2 л. повел. наклоненія старая форма 3 л. изъявит. наклоненія наст. времени, о чемъ уже выше была рѣчь).

Обратимся теперь къ вопросу, какимъ путемъ въ латышскомъ, напр., изъ стараго vedi могло возникнуть ved «веди, ведешь». Формы вродѣ rīuoti «умѣй, умѣешь» показываютъ, что чисто фонетически ved изъ vedi не получилось. Формы безъ -i могли, съ одной стороны, возникнуть въ парадигмѣ довольно многочисленныхъ основъ на -jō (съ -j- послѣ гласнаго): такъ, напр., старое gāji «брани(шь)» должно было чисто фонетически утратить j передъ -i, а возникшее такъ двусложное *gāi легко могло далѣе измѣниться въ теперешнее gāj (т. е. gāj), особенно въ повелительномъ наклоненіи, формы котораго часто произносятся скороговоркой (см. ниже). А затѣмъ подъ влияніемъ отношеній вродѣ gāj «бранить»: gāj «брани(шь)» могло рядомъ, напр., съ sit «бъеть» возникнуть новообразование sit «бъешь, бей» взамѣнъ стараго siti; распространенію новаго sit должно было содѣйствовать то обстоятельство, что старое siti (изъ *sitie) совпадало съ siti (изъ *sitai) «ты биль» и

поэтому было неудобно (совпадение же 2 лица съ третьимъ лицомъ менѣе неудобно, такъ какъ прибавленіемъ особаго подлежащаго легко устраняется двусмысленность). Подобно этому также ved вв. vedi во избѣжаніе совпаденія съ vedi «ты вель» и др. Съ этимъ толкованіемъ прекрасно согласуется то, что всѣ формы 2 л. ед. ч. наст. времени, до утраты -і совпадавшія съ 2 л. ед. ч. прош. времени, теперь утратили это -і въ 2 л. ед. ч. повелит. и изъявит. наклоненія настоящаго времени, и что всѣ формы, сохранившія это -і, такъ или иначе отличаются отъ соотвѣтствующей формы 2 л. ед. ч. прош. времени (напр., svísti «по-тѣшь»: svìdi «ты потѣль», prùoti «умѣшь»: prati «ты умѣль», gulì «лежишь»: gulëjì «ты лежалъ»). Неудивительно, однако, что -і утрачено въслѣдствіи также многими формами, несовадавшими съ 2 л. ед. ч. прош. времени. Такъ какъ наст. время (jëmu), напр., отъ jëmt «братъ» спрягалось такъ-же, какъ наст. время (серу), напр., отъ sept «печь», то подъ вліяніемъ сер (при 2 л. ед. ч. прош. времени сері) и др. могло взамѣнъ стараго jëmi (при 2 л. ед. ч. прош. времени jëmi) возникнуть новое jëm; или подъ вліяніемъ, напр., plùc «щиплешь» (при 2 л. ед. ч. прош. вр. plùci), liëc «гнешь» (при 2 л. ед. ч. прош. вр. liëci) и др. могли возникнуть, напр., также mùc «соскальзываешь» (при 2 л. ед. ч. прош. вр. mukì), liëc «кладешь» (при 2 л. ед. ч. прош. вр. likì) и др., и т. д. Выше мною, правда, приведены изъ Мариенгаузенаго говора vet (изъ ved) «веди» и vede (изъ vedi) «ведешь», но такія формы слышаны мною всего одинъ разъ, такъ что не знаю, насколько тамъ обычно соотношеніе формъ повел. наклоненія безъ -і и формъ изъявит. наклоненія на -і; не исключена возможность, что формы вроде vedi > vede возникли (взамѣнъ формъ безъ -і) подъ вліяніемъ формъ, сохранившихъ свое -і. А что касается вышеупомянутаго факта, что въ грамматикѣ Adolphi находимъ duod «дай» при duodì «даешь», то уже выше отмѣчено, что жившій раньше Adolphi Манцелій употребляетъ также формы вроде duod «даешь». И если Биленштейномъ и др. приводятся только формы повелит. наклоненія безъ -і, то въ этомъ сказывается только литературная зависимость отъ ихъ предшественниковъ и отсутствіе самостоятельныхъ наблюденій (какъ мною раньше уже указано, изъ теперешняго среднелатышскаго нарѣчія мнѣ совершенно

неизвѣстны формы вроде *vedi* «ведешь, веди»). Но хотя уже Манцелий знает также *duod* «даешь» (можетъ быть, изъ другого говора), все-таки считаю возможнымъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ *-i* было утрачено формами повелит. наклоненія раньше, чѣмъ соответствующими формами изъявит. наклоненія. Неправильное сокращеніе слова находимъ въ разговорномъ языкѣ въ весьма употребительныхъ формахъ *dzi* «слышь» (изъ *dzirdi*) и *ge* «смотри» (изъ *gedzi*) при формахъ изъявит. наклоненія *dzirdi* «слышишь» и *gedzi* «видишь» (тогда какъ остальные глаголы этого класса, т. е. основы наст. времени на *-i* въ повелит. наклоненіи сохраняютъ *-i*, напр., *guli* «лежи» и «лежишь»); вѣроятно, также лтш. *vej* и лит. *vėi* «смотри» изъ сохранившагося въ литовскомъ языкѣ *vėizdi*. Такъ какъ весьма употребительна также форма *duod* «дай», то считаю вполне возможнымъ, что въ извѣстномъ Adolphi говору при *duodi* «даешь» имѣлась неправильно сокращенная форма *duod* «дай». Brugmann Grdr. II 1323 и KVG 558, Prusik KZ XXXIII, 157 сл., J. Schmidt ibid. 158¹ и Zubatý IFAnz. XVI, 52, правда, болѣе или менѣе рѣшительно полагаютъ, что лит. *vėizdi* «смотри» и *dūodi* «дай» восходятъ къ иде. **deiddhi* и **dōdhi* (откуда авест. *dā'di*), и я не отрицаю возможности такого взгляда, особенно относительно лит. *vėizdi* (въ такомъ случаѣ лтш. *duod* «дай» должно было чисто фонетически получиться изъ **dōdhi*). Но въ старолитовскихъ текстахъ при обычномъ *duodi* «дай» только изрѣдка находимъ однозначашее *duod*, тогда какъ, напр., рядомъ съ *ved* «веди» лишь изрѣдка встрѣчается однозначашее *vedi* (см. Bezenberger Beitr. z. Gesch. d. lit. Spr. 222 и Поржезинскій I. с. 28), и уже поэтому я считаю менѣе рискованнымъ возводить лтш. *duod* «дай» черезъ **duodi* (> *dūdi* Zb. wiad. XVIII, 329) къ **duodie*.—Фортунатовъ I. с. 147 и за нимъ Поржезинскій I. с. 30 сл. и Сборн. статей, посвящ.... Ф. Ф. Фортунатову 628 сл. находятъ, что *-i* въ окончаніи 2 л. ед. ч. повел. наклоненія стало «подвижнымъ» прежде всего въ формахъ отъ основъ на *-i*, полагая, что отъ этихъ основъ когда-то въ литовско-латышскомъ имѣлись рядомъ формы 2 л. ед. ч. повел. наклоненія на *-i* (изъ иде. *-i*) и *-ie* > *-i*. Но въ латышскомъ какъ разъ основы на *-i* сохраняютъ *-i* въ 2 л. ед. ч. повелит. наклоненія; что же касается вышеупомянутыхъ *dzi* и *ge*, то и ихъ нѣтъ надобности возво-

дять къ прабалт. *girdi и *regi, такъ какъ рядомъ съ ними встрѣчаемъ также klāu «слышь» и gau «смотри» изъ klausī (< *klausai) и gauģi (< *gauģai) отъ основъ klausā- и gauģā-. И какъ ниже увидимъ, также въ литовскомъ языкѣ не находимъ определенныхъ указаній на прабалтійскія формы 2 л. ед. ч. повелит. наклоненія типа *girdi.

Въ литовскомъ языкѣ формы безъ -i встрѣчаются только въ значеніи повелит. наклоненія, и мнѣ кажется, что, напр., ved «веди» могло появиться рядомъ съ vedi (изъ *vedie) подъ влияніемъ колебанія между vèski (со старымъ -ī) «веди» и правильно отсюда возникшимъ vèsk (въдъ рядомъ съ формами типа ved повсюду встрѣчаемъ также формы типа vèsk) или между véizdi (если это изъ иде. *veiddhi) и возникшимъ отсюда véizd. Подобно этому, если приведенное Вольтеромъ (Лит. катих. Даукши, стр. LXXXV) изъ свенцянскаго говора stā «стой» сокращено (какъ полагаетъ Фортунатовъ l. c. 145) изъ *stāv[i], а не изъ *stāj[i] (atstā «отстань» у Вольтера *ibid.*, во всякомъ случаѣ, по своему значенію изъ *atstāj[i] къ atstóti), то и это *stovī могло имѣть свое -i изъ -ie, а не изъ иде. -ī. Тутъ, кетати, замѣчу, что подъ влияніемъ формъ вродѣ *stoj[i] или *sto[j]i «стань» къ stóti «стать», вѣроятно, возникли формы вродѣ bui¹⁾ «будь» (у Вольтера *ibid.*) къ búti «быть» (въ другихъ говорахъ это bui подъ влияніемъ формъ вродѣ búk «будь» измѣнено въ buik, см. у Бецценбергера KZ XLI, 118 сл., гдѣ приведены также подобно этому возникшія doik «дай», žinaik «знай» и др.); а на основаніи bui, повидимому, затѣмъ возникло buite «будьте» (у Вольтера *ibid.*), ср. duodite «дайте» при duod' «дай» и др. *ibid.* (на основаніи этихъ bui, buite, можетъ быть, впоследствии было создано приведенное К. Бугою РФВ LXVI 220 діал. buītis «жительство-быть» и bui-klas «быть» *ibid.*).—То обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ старолитовскихъ текстахъ duodī «дай» встрѣчается чаще, чѣмъ сокращенное duod (последнее нѣрѣдко находимъ также въ постиллѣ Даукши), тогда какъ, напр., ved «веди» тамъ чаще, чѣмъ vedi, Фортунатовъ l. c. 147 сл. объясняетъ предположеніемъ, что ved «веди» сокращено изъ *veda,

1) Ср. Поржезинскій. Къ исторіи формъ спряженія, 31.

между тѣмъ какъ рядомъ съ *duodī* не было никакого **duoda* «дай». Но, какъ уже выше указано, не имѣемъ достаточнаго основанія предпо- лагать для эпохи отдѣльной жизни литовскаго языка формы вроде **veda* (или **vede*) «веди». Можетъ быть, *duodī* «дай» сохраняло (по крайней мѣрѣ, діалектически) свое *-ī* дольше подъ влияніемъ формы 3 лица *te- duodī* «пусть дастъ» (отъ основъ на *-ā* формы 3 и 2 л. ед. ч. повелит. наклоненія одинаково оканчивались на *-ai*; примѣры, напр., у Беценбер- гера KZ XLI, 120¹; и формы 3 и 2 л. ед. ч. повелит. наклоненія кое- гдѣ соприкасались въ употреблеініи, см., напр., Bezenberger l. c. 145³); въ *te-duodī*, см. Zubatý IF IV, 476 сл., *-ī* изъ иде. *-īt* (желат. наклон.). Фортунатовъ, правда, l. c. 148 возводитъ *-ī* въ *te-duodī* къ иде. *-īt*, полагая, что слав. дади- (въ црксл. дадите): лит. *duodī-* (въ *te-duodī*) = слав. би- (въ црксл. бимъ): лит. *-bi-* (въ *sùktum-bi-me* «мы вер- тѣли бы») = слав. сѣди- (въ црксл. сѣдѣть): лит. *sėdī* (въ *sėdī* «сидѣть» и др.). Но отношеніе слав. *-ī-* (изъ *-ī-*) къ лит. *-ī-* въ изъявит. наклоненіи не даетъ основанія думать, что то же отношеніе имѣлось также въ желат. наклоненіи; а что касается *-bi-* въ лит. условномъ наклоненіи, то тутъ *-bi-* въ энклитическомъ положеніи, можетъ быть, сокращено изъ *-bī-* подобно тому, какъ общелтш. *būtu* «былъ бы» діалектически сокращено (въ энклитическомъ положеніи) въ *butu* (въ Стенденъ и др.) > *but* (въ Зурсъ, Тальсенъ, Зельгербенъ, Кандау и др.).—Гипотезу же Meillet MSL XII, 230 сл., по которой, напр., лит. *vedi* (> *ved*) «веди» состоитъ изъ 2 л. ед. ч. повелит. наклоненія нетематическаго аориста **ved* и энклитической частицы *-ī*, я считаю совершенно невѣроятной: тому подобныхъ нетематическихъ аористовъ въ балтійскомъ нигдѣ не встрѣчаемъ; по своему значенію формы вроде *vedi* ничего аористиче- скаго не имѣютъ; частицы *-ī* въ балтійскомъ нигдѣ не нахожу; далѣе пришлось бы считать вышеупомянутыя лит. формы *galbiem*, *gaylies* и *keliesi* новообразованіями и отдѣлять лит. *vedi* «веди» отъ однознача- щаго лтш. (въ грамматикѣ Adolphi) *vedi*, такъ какъ исконно краткое *-ī* въ латышскомъ отпало еще до начала латышской письменности, а лтш. *grūoti* «умѣй» и др. еще теперь сохраняютъ свое *-ī*.

Итакъ, прихожу къ заключенію, что лит. и лтш. *ved* «веди» полу- чилось, вѣроятно, изъ *vedi* (< **vedie*), сходясь въ этомъ съ Бругманомъ

IF XVII, 178 сл., который однако ничѣмъ не обосновалъ своего взгляда. Также Zubatý IFAnz. XVI, 52 возводитъ лит. и лтш. *ved* къ *vedi* (неправильно, однако, онъ тутъ утверждаетъ, будто большинство латышскихъ говоровъ сохраняетъ *-i*, напр., въ *siti* «бей»; такая форма мнѣ известна исключительно изъ старыхъ грамматикъ, тогда какъ изъ современныхъ говоровъ я знаю только сокращенное *sit*); но *-i* въ *vedi* «веди» онъ считаетъ перенятымъ изъ формъ вроде лит. *veizdi* «смотри» (изъ **ceid-dhi*), съ чѣмъ не могу согласиться, такъ какъ краткое *-i* въ латышскомъ нигдѣ не сохранилось бы.—Но въ пользу того, что въ прабалтійскомъ—хотя бы диалектически—существовали также еще и старыя формы 2 л. ед. ч. повелит. наклоненія на *-e*, говорятъ, кажется, извѣстныя мнѣ изъ Мариенбурга, Аагофа, Розенека, Леттина, Треппенгофа, Ливона и др. латышскія формы вроде *vedet* «ведите, ведете», такъ какъ не вижу другой возможности объяснить ихъ *-et* кромѣ предположенія, что на основаніи стараго **vede* «веди» возникло новообразование *vedet* «ведите», получившее впоследствии также значеніе изъявит. наклоненія.

Остается намъ рассмотретьъ вопросъ о происхожденіи окончаній *-sei* > *-sie* > *-si* и *-ei* > *-ie* > *-i*. Bezenberger когда-то (Beitr. z. Gesch. d. lit. Spr. 194 сл.) полагалъ, что *-i* (въ лит. *sukì* «вертишь» и др.) черезъ *-ie* получилось изъ *-ei* < *-ai*, а *-ai* нефонетически—изъ *-ais(i)* = греч. *-εις*; но теперь 40 лѣтъ спустя, онъ навѣрно иначе формулировалъ бы свой взглядъ, и поэтому, не зная его теперешняго мнѣнія, считаю полемику тутъ неумѣстной. Въ (Wiener) Sitzungsber. d. philos.-hist. Cl. d. kais. Akad. d. Wiss., т. C, стр. 996 сл., также Haberlandt сопоставляетъ лит. *-i* (въ *sukì* «вертишь» и др.) съ греч. *-εις* (въ *φέρεις* «несешь» и др.), но онъ считаетъ ихъ за первоначальныя окончанія оптатива. По его мнѣнію въ литовскомъ формы 2 л. ед. ч. оптатива въ родѣ **sukies* получили значеніе изъявит. наклоненія (подобно греч. *φέρεις* и др.), а когда соответствующая возвратная форма **sukies-si* сократилась въ *sukies(s)*, во избѣжаніе совпаденія **sukies* «вертишь» и *sukies* «вертишься» возникло новообразование **sukie* (> *sukì*) «вертишь» подъ влияніемъ соотношенія между **sukuo* (> *sukù*) «верчу» и *sukúos* «верчусь» и также благодаря влиянію нетематическихъ формъ

2 л. ед. ч. вродѣ *esie (> esi). Главнымъ и, на мой взглядъ, непреодолимымъ затрудненіемъ я тутъ считаю недостаточно объясненную Haberlandt'омъ замѣну формы изъявит. наклоненія формой опатива, когда и въ древнепрусскомъ и въ славянскомъ формы опатива употребляются только въ значеніи повелит. наклоненія, да и въ литовскомъ старыя формы 3 л. опатива вродѣ sukīē никогда не встрѣчаются въ значеніи изъявит. наклоненія. На различіи въ интонаціи не настаиваю, такъ какъ можно было бы допустить, что, напр., *sukīē «вертишь» измѣнилось въ *sukīe подъ влияніемъ формъ нетематическаго спряженія вродѣ *esie. — Только относительно формы *повелит.* наклоненія *sukie можно было бы, пожалуй, думать, что оно указаннымъ Haberlandt'омъ путемъ возникло изъ *sukies (ср. пр. weddeis «веди» и др.); такую мысль находимъ уже у Буги Aist. Stud. I, 70. Ниже я еще вернусь къ ней. — Johansson же KZ XXXII, 512 считаетъ -ie въ лит. *sukie «вертишь» и др. первоначальнымъ окончаніемъ 2 л. ед. ч. *средняго* залога, ссылаясь на санскритскія формы 1 и 3 л. ед. ч. вродѣ bruvé. Но дѣло въ томъ, что нѣтъ несомнѣнныхъ примѣровъ такого окончанія именно для *второго* л. ед. ч. *средн.* залога (относительно аттическихъ формъ вродѣ βούλει «хочешь» см. кромѣ Johansson De derivatis verbis contractis linguae graecae quaestiones 205⁴, главнымъ образомъ, Brugmann-Thumb Griech. Gram. 4 405 съ литературой); а если ужъ предположить для 2 л. ед. ч. окончаніе -ei, то вѣдь естественнѣе (и — какъ ниже увидимъ — нѣкоторые языковѣды такъ и дѣлаютъ) считать это -ei окончаніемъ *дѣйствительнаго* залога. — Не совѣмъ убѣдительно, на мой взглядъ, также предложенная Бернекеромъ AfsI Ph. XXV, 480 слл. гипотеза. По его мнѣнію когда-то въ прабалтійскомъ имѣлись формы буд. времени вродѣ *būste «будете», *būsme «будемъ», *būs(t) «будетъ», *būs(s) «будешь» (собственно инъюнктивы сигматическаго аориста; ср. лит. діал. būs «будетъ», būsme «будемъ», būste «будете» и пр. teiks «stelle!» и др.), *būsjō «буду», послѣ чего (если ужъ раньше, быть можетъ, не существовала рядомъ съ *būs-s «будешь» также форма съ окончаніемъ 2 л. ед. ч. изъявит. накл. наст. времени нетематическихъ основъ) — во избѣжаніе совпаденія формъ 2 и 3 л. ед. ч. — къ формѣ *būs(s) «будешь» было прибавлено окончаніе 2 л. ед. ч. изъявит. наклоненія наст. вре-

мени нетематическихъ основъ (ср. пр. *postāsei*); а впоследствии ужъ подѣ вліаніемъ формъ вродѣ **būsei*¹⁾ «будешь»: **būsjō* «буду» рядомъ, напр., съ **turjō* «держу» могло возникнуть новое **turei* (вм. стараго **turisi*) «держишь» или рядомъ съ **vedō* «веду» — новое **vedei* (вм. стараго **vedesi*). Вѣроятно, дѣйствительно слѣдуетъ предполагать, что въ прабалтійскомъ существовали тому подобныя формы буд. времени. Но считаю сомнительнымъ, чтобы формы будущаго времени могли оказать столь сильное вліаніе на формы наст. времени; въ латышскомъ языкѣ, наоборотъ, формы буд. времени подверглись вліанію со стороны формъ наст. времени. — Еще менѣе вѣроятна гипотеза Явниса I. с. 125, будто старое окончаніе 2 л. ед. ч. изъявित. наклоненія наст. времени *-esi* утратило свое *-s-* путемъ диссимиляціи передъ возвратнымъ мѣстоименіемъ *-si*: въ тѣ отдаленныя времена, для которыхъ можно предположить окончаніе *-esi*, это возвратное мѣстоименіе, навѣрно, еще имѣло видъ **sei* и не сливалось еще съ глаголомъ въ одно слово.

Остаются еще два объясненія. *Leskien* (см. *Brugmann-Osthoff Morphol. Unters.* III, 26), *Bartholomae* (*Studien z. indogerm. Sprachgesch.* II, 119¹⁾), *Zubatý IFAnz.* XVI 51 и — впоследствии отъ этого отказавшіеся — *Brugmann Morphol. Unters.* III, 26 и *Grdr.* II, 1344 слл. и *Berneker Die preuss. Sprache* 220 высказывались за гипотезу, по которой, напр., лит. *sukì* «вертишь» возникло подѣ вліаніемъ *esi*. Къ этой группѣ, въ сущности, примыкаетъ также *Baudiš Listy filolog.* XXXI, 420 слл. *Bezzenberger* же *BB* XXVI, 153¹⁾ говоритъ по поводу этого объясненія только, что это «*glaube ein anderer*». И *Поржезинскій* отдѣляется заявленіемъ, что для него «остается непонятнымъ, какимъ образомъ единичное *esi* могло повліять на появленіе окончанія *i* во всѣхъ прочихъ глаголахъ» (Къ исторіи формъ спряж. 18). Такъ, однако, только отписываются, но не опровергаютъ. Что окончаніе *-i* возникло на основаніи *esi*, это само по себѣ вполне возможно, какъ показываютъ слѣдующія параллели. Въ армянскомъ формы 2 л. ед. ч. вродѣ *beres* «несешь» по всей вѣроятности образовались по аналогіи съ *es* (= греч. *ἔσσι*), см. *А. Томсонъ Лингвист. изслѣдованія* I, 99 сл., *Bartholomae* I. с. II,

1) *Бернекеръ* самъ вмѣсто *-sei* неправильно предполагаетъ окончаніе *-sai*.

119¹ и Meillet MSL XIV, 414. Далѣ ср. J. Schmidt Die Pluralbild. d. indog. Neutra 259 («Das -st der 2. sing. im ahd. afries. ags. ist wahrscheinlich allein von bist, sicher von sehr wenigen verben auf alle übrigen übertragen»), Zauner Romanische Sprachwissenschaft 12 и 145 («im Italienischen, Französischen ist die Endung von sumus... zunächst auf begrifflich oder formell nahestehende Verba... dann auf alle andern übertragen» I. с. 145), Bergin Gadelica I, 73 слл. (приходить къ заключенію, что ирландскія формы 2 л. мн. ч. повелит. наклоненія на -igī возникли подъ вліяніемъ bigī «будьте»), Thurneysen Handbuch des Alt-irischen I, § 555 и Pedersen Vergl. Gramm. d. kelt. Spr. II, 342 («несмягченное» -m въ окончаніи 1 л. ед. ч., вѣроятно, возникло подъ вліяніемъ am изъ *emmi < *esmi) и параллели и соображенія, приведенныя Бругманомъ Morphol. Unters. I, 82 слл. и III, 26. Остается, значить, только показать, какимъ именно путемъ -ie > -i изъ *esie > esī могло быть перенесено въ парадигму другихъ глаголовъ. Уже Бернекеръ AfslPh. XXV, 482 правильно замѣтилъ, что подъ вліяніемъ 1 л. ед. ч. esmī: 2 л. ед. ч. esī могли, напр., рядомъ съ degmī «горю» или miegmī «сплю» возникнуть новыя формы 2 л. ед. ч. degī и miegī (правильнѣе однако относить такія, по крайней мѣрѣ, литовско-латышскія новообразования къ той эпохѣ, когда -ie еще не сократилось въ -i, или даже, если тутъ имѣемъ дѣло съ прабалтійскимъ явленіемъ, къ эпохѣ, когда теперешнее лит. esī еще имѣло видъ *esei), но онъ не настаиваетъ на этой мысли, считая громадное большинство литовскихъ формъ на -mī поздними новообразованиями. Есть несомнѣнно позднія новообразования среди формъ на -mī, какъ, напр., tenkmī рядомъ съ tenkū (при инфинитивѣ tēkti), но едва ли могли формы вродѣ tenkmī (вм. tenkū) возникнуть только подъ вліяніемъ старыхъ esmī, eimī, demī, dúomī, ėmī, если бы не существовали также старыя формы съ k, g (или b, p, t) передъ -mī. Такой старой формой я считаю liekmī (ср. 3 л. liēkti > liēkt, настолько обычное, что на его основаніи возникло даже новое 2 л. ед. ч. liektī, у Куршата Грамм. § 1181, старолтш. 3 л. paliēkt Lit. u. lett. Drucke II, 21,27 = лит. paliēkt въ постиллѣ Даукши 314,15 и 316,17 и также 1 л. ед. ч. paliēkmī у Даукши ibid. 316,15 и 3 л. atliēktīgu въ перепзданномъ Быстронемъ катихизисѣ 1605 г., стр. 77 и скр. 3 л. дв. ч. aor. rīk-

там) и, пожалуй, также *miegmi* (ср. 3 л. *miēgt*, также у Даукши I. с. 237,2, вызвавшее даже для 2 л. ед. ч. новообразование *miegti* у Куршата I. с. § 1182). И не забудемъ, что также среди остальныхъ формъ на *-mi* могутъ быть еще нѣкоторыя древнія образования, и что по всей вѣроятности также утрачены нѣкоторыя старыя формы на *-mi*. *Baudiš* I. с. 421 полагаетъ также, что кромѣ *esmi: esi* могли служить образцами также формы отъ другихъ нетематическихъ основъ на *-s* вродѣ *júosmi* (теперь *júosiu*): *júosi*; и далѣе, — что, напр., *dúodi* «даешь» возникло замѣнъ стараго (еще встрѣчающагося въ старыхъ текстахъ) *duosi* подъ вліяніемъ 1 л. ед. ч. **duodmi* (> *dúomi*), 1 л. мн. ч. **duodme* (> *duome* у Даукши I. с. 210,6) и 1 л. дв. ч. **duodva*, ср. также аналогичныя формы отъ *de[d]mi*, *ě(d)mi*, *gie(d)mi* и *sėdmi*. Но вѣдъ *-s-* въ *duosi* и др. могло поддерживаться формами 3 л. *duost(i)*, 2 л. мн. ч. **duoste* и 2 л. дв. ч. **duosta* и т. д.; и если бы *dúodi* или **duodie* возникло еще въ то время, когда *d* передъ *m* и *v* еще не было утрачено, то едва ли до насъ могло дойти старое *duosi*. Кромѣ того, *Baudiš* I. с. считаетъ также возможнымъ, что, напр., въ виду сгр. 3 л. ед. ч. *māgš̄ti* также родственннй съ нимъ литовскій корень *mélž-* (въ *mélžu*) когда-то спрягался атематически (см. также Brugmann Grdr. II² 3,99), и что, значить, теперешнее 2 л. ед. ч. *mélži* могло возникнуть вмѣсто стараго **mélši* < **mélž-si* подъ вліяніемъ 1 л. ед. ч. **mélžmi* и др. А если рядомъ съ нѣкоторыми формами на *-mi* имѣлись синонимныя формы на *-ō* > *-úo* > *-u* (какъ, напр., при *liekmi*, вѣроятно, уже издавна имѣлась тематическая форма, давшая лит. *liekù* и лтш. *lieku*, ср. гр. *λείπω*), то совершенно понятно, что *-ei* > *-ie* > *-i* могло изъ нетематическаго спряженія постепенно проникнуть въ тематическое спряженіе и замѣнить тамъ старое *-es(i)* или позднѣйшее *-as(i)*; послѣднее совпало бы вполнѣдствіи съ окончаніемъ соотвѣтствующей возвратной формы. Формы же 2 л. ед. ч. повелит. наклоненія на *-ie* > *-i* въ такомъ случаѣ могли получиться, какъ выше указано, изъ соотвѣтствующихъ формъ желательнаго наклоненія (съ измѣненіемъ циркумфлекса въ акутъ подъ вліяніемъ акута въ соотвѣтствующихъ формахъ изъявит. наклоненія); или же — какъ полагалъ уже Ульяновъ Значенія глагольныхъ основъ II, 72 сл. (см. возраженія Фортунатова I. с. 143) — формы изъявит. на-

клонения стали употребляться также въ значеніи повелит. наклонения¹⁾, а это могло случиться благодаря тому, что для 2 л. множ. ч. имѣлась общая форма изъявит. и повелит. наклонений (какъ въ греческомъ, германскомъ и теперь еще въ большинствѣ латышскихъ говоровъ; ср. также лит. eite, regite и др. у Беценбергера KZ XLI, 115 въ значеніи повелит. наклонения).

Главнымъ затрудненіемъ при такомъ взглядѣ на происхожденіе формъ вроде лит. sukī «вертишь» я считаю то, что въ такомъ случаѣ приходится возводить лит. esì, лтш. esi, пр. assei и слав. jesi къ формѣ средняго залога *es-sei, тогда какъ греческій языкъ представляетъ окончаніе -σαι для 2 л. ед. ч. средн. залога, и вокализмъ этого -σαι согласуется съ вокализмомъ -μαι и -ται въ окончаніяхъ 1 и 3 л. ед. ч. Кроме того, Meillet MSL XIV, 412 и XVIII, 233 считаетъ невѣроятнымъ, чтобы въ славянскомъ, гдѣ всѣ остальные формы лицъ наст. времени сохранили старыя окончанія дѣйствительнаго залога, только -sì (-šì) въ формѣ 2 л. ед. ч. было первоначально окончаніемъ средняго залога; и это возраженіе Meillet признаю весьма серьезнымъ. Еще далѣе, чѣмъ Meillet, въ этомъ отношеніи идетъ van Wijk AfsI Ph. XXXVI, 111 сл., отрицая принадлежность къ первоначальному среднему залoгу также прабалтійскаго *esei и—менѣе рѣшительно—также формы 1 л. ед. ч. вроде пр. asmaì, считая возможнымъ, что прусскія формы 1 л. ед. ч. вроде asmaì получили окончаніе -mai изъ формъ 1 л. мн. ч. Но пока не будетъ иначе объяснено это -mai въ формахъ 1 л. мн. ч., остается только думать, что -mai изъ 1 л. ед. ч. было перенесено въ 1 л. мн. ч., а не наоборотъ, такъ какъ въ 1 л. ед. ч. это -mai все-таки болѣе понятно: или это -mai=греч. -μαι, или же оно, быть можетъ, возникло путемъ контаминаціи окончаній -mi и -ai; такъ, напр., могло возникнуть прабалт. *vaid-mai «знаю» путемъ контаминаціи синонимныхъ формъ *vaid-mi (=слав. věmь; ср. пр. 2 л. ед. ч. waisei) и *vaid-ai (=слав. vědě).

Фортуатовъ же въ лекціяхъ, на что указали присоединившіеся къ его мнѣнію Томсонъ Лингвист. изслѣд. I, 115 сл. и Поржезинскій I. с.

1) Ср. старофранцузскія параллели у Suchier Aucassin und Nicolette⁴, стр. 50.

18, и вслѣдъ за нимъ Meillet MSL XIV, 412 слл., Brugmann IF XVII, 177 слл., Solmsen KZ XLIV, 173, Hirt Handb. d. griech. Laut-und Formenl.² 486 сл., Pedersen Vergl. Gramm. d. kelt. Spr. II, 342, van Wijk I. c. и Pokorny A concise Old Irish grammar 101 приписываютъ уже индоевропейскому праязыку окончаніе *-ēi* для 2 л. ед. ч. тематическихъ основъ. Разница между ними та, что Фортунатовъ предполагалъ для индоевропейскаго праязыка формы 2 л. ед. ч. изъявит. накл. наст. времени вродѣ **bherei* рядомъ съ формами вродѣ **bheresi* (а литовско-латышскія формы повелит. наклоненія на *-ie* > *-i* по его мнѣнію получились изъ формъ желат. наклоненія путемъ замѣны въ послѣднихъ окончанія *-s* окончаніемъ 2 л. ед. ч. изъявит. наклоненія наст. времени), Бругманъ же приписываетъ существовавшему рядомъ съ **bheresi* «несешь» **bherei* значенія «несешь» и «неси», тогда какъ Meillet, Hirt и Pedersen признаютъ для 2 л. ед. ч. изъявит. наклоненія наст. времени въ индоевроп. праязыкѣ только формы типа **bherēi*, считая скр. *bhārasī* и др. новообразованіями, а Solmsen склонялся къ мысли, что формы типа **bherei* первоначально имѣли значеніе повелит. наклоненія. Изъ нихъ только Томсонъ I. c. опредѣленно высказался о разложеніи формъ типа **bherei* на основу и окончаніе, раздѣляя **bherei* на **bhere-i* и отождествляя это *-i* съ *-i* въ формахъ вродѣ скр. *bhāramī*, *bhārasī*, *bhāratī* и др., между тѣмъ какъ Meillet (Введеніе въ сравн. гр. индо-евр. яз.² 199) говорить, что въ индоевр. **bherēi* «мы не можемъ поставить черточки, отдѣляющей основы отъ окончанія». Томсону можно, пожалуй, возразить, что *-ē-i* скорѣе дало бы *-eī* (а не предполагаемое балтійскими языками *-ei*), судя по *-eī* : *-oī* въ loc. s. основъ на *-o*. Относимыя же Бругманомъ сюда греческія діалектическія формы повелит. наклоненія вродѣ *πίει* и *ἄγει*, повидимому, указываютъ на старое *-ei*, а не *-ēi*.

Фортунатовъ ссылаясь, приписывая индоевр. праязыку формы вродѣ **bherei* «несешь», кромѣ балтійскихъ формъ еще на формы вродѣ црксл. хошти и греческое окончаніе *-εις* (въ *φέρεις*) изъ **-ei*. По относительно этихъ формъ уже Бернекеръ AfslPh. XXV 479 сл. указавъ, что ими существованіе окончанія *-ei* не можетъ быть доказано (**φέρεις* «несешь» столь же хорошо могло получиться изъ **bhéresi*, какъ **φῆ* въ *φῆς* «го-

воришь» изъ *bhāsi). Греческія же формы повелит. наклоненія вродѣ ἄγε: по первоначальному (весьма возможному) объясненію Solmsen'a (см. KZ XLIV, 174²) могли возникнуть на почвѣ греческаго языка путемъ прибавленія къ формамъ повелит. наклоненія на (передъ гласнымъ подвергающаея элизи) -ε формы εἰ (=лат. ī) «иди»¹) или междометія εἰ. Впослѣдствіи (l. c.) онъ, однако, склоненъ былъ думать, что уже въ индоевр. праязыкѣ возникло, напр., *aǵēi «гони» изъ *aǵe + eἰ; но, насколько можно объ этомъ судить, въ индоевр. праязыкѣ *aǵe + eἰ должно было дать *aǵēἰ (случаевъ элизи въ немъ не знаемъ) > греч. *ἄγγη. Meillet же l. c. (а за нимъ также Pedersen и Pokorny) пришелъ къ заключенію, что также др.-ирл. -bīr «repose... sur quelque chose comme *-bherēi». При объясненіи этого -bīr, конечно, весьма удобно исходить отъ *bherēi; но др.-ирл. -eim (у Thurneysen'a Handb. des Alt-irischen § 74) скорѣе предполагаетъ старое *emes, и во всякомъ случаѣ др.-ирл. -bīr само по себѣ не доказываетъ, что въ индоевр. праязыкѣ имѣлись формы вродѣ *bherēi (не даромъ Meillet выражается: «quelque chose comme *-bherēi»).

Итакъ, опредѣленно на старое -ēi въ окончаніи 2 л. ед. ч. изъявит. наклоненія наст. времени указываютъ, по моему, только литовскія и латышскія формы. Кромѣ того, предположеніемъ такого -ēi въ тематическомъ спряженіи, какъ указали Meillet MSL XIV, 412 сл. и van Wijk AfslPh. XXXVI, 111 сл., лучше всего объясняется славяно-балтійское -sēi во 2 л. ед. ч. нетематическихъ основъ: это -sēi могло возникнуть путемъ контаминаціи окончаній -si и -ēi. Затрудненіе, сопряженное съ Фортунатовской гипотезой, заключается только въ томъ, что приходится рядомъ съ -esi или вмѣсто -esi (на которое указываютъ скр. bhāgasi, гот. baigis и др.) приписывать индоевроп. праязыку окончаніе -ēi для 2 л. ед. ч. изъявит. накл. наст. времени тематическихъ основъ, тогда какъ старая гипотеза, по которой лит.-лтш. -īe > -ī получено изъ нетематическихъ формъ вродѣ *esie > esi, принуждаетъ насъ не только предполагать для 2 л. ед. ч. средняго залога въ индоевр. праязыкѣ

1) Ср. старофранцузскіе обороты вродѣ di va «sage doch» и др. у Suchier Aucassin und Nicolette⁴, стр. 48.

окончание -seī вмѣсто или рядомъ съ -sai, но также считать слав. *jesi* и прабалт. **esēi* формами среднего залога, и поэтому мнѣ кажется болѣе рискованной и менѣе вѣроятной, чѣмъ Фортунатовская гипотеза. Но и послѣдняя не должна стать догмой.

Каково происхожденіе предполагаемаго -ēi, имѣлось ли первоначально рядомъ съ -ēi также -esi, и употреблялись ли формы на -ēi уже съ самаго начала также въ значеніи повелит. наклоненія, — все это вопросы, которыхъ достовѣрно рѣшить мы не можемъ. Формы повелит. наклоненія вродѣ греч. діал. ἄγεи или πείи, какъ выше указано, могли возникнуть на греческой почвѣ. И такъ какъ въ славянскомъ и въ древнепрусскомъ въ значеніи повелит. наклоненія мы находимъ формы стараго опатива, а въ литовскомъ формы повелит. наклоненія на -ie > -i, кажется, никогда не были общеупотребительны, то я скорѣе всего склоняюсь къ мысли, что также въ литовско-латышскомъ праязыкѣ въ значеніи повелит. наклоненія употреблялись формы стараго опатива; о томъ, какъ впоследствии могли возникнуть формы повелит. наклоненія вродѣ лит.-лтш. *ved(i)* «веди», я уже высказался выше.

Въ то время, когда, напр., при 2 л. ед. ч. **vedēi* еще имѣлась форма 3 л. **vede(t)*, подъ влияніемъ **vede(t)*: **vedēi* могло, напр., при 3 л. **turi(t)* возникнуть новое 2 л. ед. ч. **turīj* вмѣсто ставшаго неудобнымъ **turis(i)*¹⁾; на такое **turīj* указываютъ вышеупомянутыя жемайтскія формы на -y-s и старолатышскія формы вродѣ *dzirdī-g*. Въ пользу того, что такое **turīj* > **turī* когда-то употреблялось также въ значеніи повелит. наклоненія, можно привести лит. діал. *tūrītēs* «держитесь» Лит. хрест. 381,18 и, можетъ быть (?), также пр. *kirdijti* (2 ×) «hörtl!», *milijti* (1 ×) «liebet!», *turriti* (1 ×) «habt!» и др.

Подъ влияніемъ, напр., **vede(t)*: **vedēi* могли, пожалуй, возникнуть сходныя новообразования также въ парадигмахъ основъ на -ā и -ē, напр. **sakāj* (вм. **sakās[i]*) «говоришь»: **sakā(t)* «говорить» или **vedēj* (вм. **vedēs*) «ты вель»: **vedē(t)* «онъ вель»; тогда какъ Brugmann IF XVII, 183 считаетъ лит. *sakāi* и *vedēi* столь же старыми

1) Поржезинскій же l. c. 18 приписываетъ уже индоевропейскому праязыку формы типа **turij*.

образованиями, какъ и *vedie > vedī, что едва-ли правильно въ виду отсутствія определенныхъ указаній на тому подобныя старыя образования отъ основъ на -ā и -ē. Фортунатовъ же l. с. 146 объяснял окончаніе -ai (напр., въ sakaī) изъ -ā + -ie (именно -ie, а не -i < -ie, вѣроятно потому, что это свойственное и литовскому и латышскому языкамъ новообразование онъ относилъ, должно быть, къ литовско-латышской эпохѣ), ср. также Bartholomae l. с. 119¹. Также этотъ вопросъ не поддается безспорному рѣшенію.

И. Эндзелинь.